

ОБРЕТЕНИЕ НОВОГО РАВНОВЕСИЯ

Проблема обретения нового равновесия демократической системы

Обретение нового равновесия демократической системы это политический процесс, происходящий после кризиса, серьезно угрожавшего стабильности и дальнейшему существованию основных политических механизмов демократии. Результат процесса — сохранение системы на том же или более высоком уровне демократической легитимности, дееспособности и эффективности¹. Процесс обретения равновесия наступает после жестокой перетряски демократических институтов, утративших свою дееспособность, эффективность, а то и легитимность, что приводит к временной утрате власти демократическим режимом. Обретение нового равновесия вполне совместимо с переменами в рамках режима, т.е. он остается демократическим (в широком смысле слова). Речь идет о переменмах такого типа, какие проводились при переходе от Четвертой к Пятой Республике во Франции; при переходе от цензового режима к современной массовой демократии или от мажоритарной системы к системе, основанной на консоциативных механизмах. Обретение нового равновесия может происходить, хотя это и не обязательно, через крушение или глубокое преобразование режима, но не его основных институтов и демократической легитимности.

Крушение, за которым следует обретение нового равновесия демократии, может быть вызвано антиконституционными или неконституционными действиями, вмешательством в нормальный демократический процесс политика (например, харизматического лидера), изначально не бывшего демократом, или же насильственным путем, например, посредством военного путча. Следовательно, обретение нового равновесия может сопровож-

даться разрывом между тем, что немецкие политологи 20-х годов называли легальностью и легитимацией. Новый режим, таким образом, может быть установлен незаконно, но он должен получить легитимацию в дальнейшем ходе демократического процесса и впоследствии обязан действовать в соответствии с демократическими нормами. Несомненно, это означает нарушение принципов преемственности режима и принятых правил его существования, и создание новых механизмов для обеспечения необходимых перемен. В этом смысле приход де Голля к власти в 1958 г. не был похож на смену консерваторов лейбористами в Великобритании и даже на замену Никсона Фордом после ухода Никсона в отставку из-за угрозы импичмента. Вопрос, который мы задаем на этой стадии анализа и на который получим гипотетический ответ, таков: "при каких условиях возможно обретение нового равновесия?"

Представляется, что первым условием должно быть наличие лидеров, которых не связывают с утратой существующим режимом дееспособности и легитимации и его кризисом и которые готовы посвятить себя созданию нового режима с новыми институтами, при условии, что эти институты заслужат легитимацию в дальнейшем демократическом процессе. Во-вторых, эти лидеры должны обладать способностью склонить на свою сторону граждан, оставшихся лояльными режиму, и даже тех, кто в ходе кризиса стал нелояльным, т.е. потенциальных сторонников недемократического режима. В-третьих, лидеры режима, утратившего дееспособность, эффективность, значительную долю легитимности, а то и власть, должны найти в себе силы признать этот факт и ускорить передачу власти, а не сопротивляться этому. Прежнее руководство, при всей его приверженности определенным политическим целям, идеологии и интересам, должно подчинить достижение этих целей задаче сохранения демократии, даже ценой отсрочки реализации своих целей. Такая готовность и способность ее осуществить предполагают веру в то, что руководство, которому должна быть передана

власть, привержено демократии. Поскольку не бывает, чтобы режим и его руководство утратили авторитет и легитимность полностью, то обычно у него возникает стремление — и его легко оправдать — воспротивиться "незаконным" переменам. Но у оппонентов тоже есть весьма обоснованные претензии на легитимность, и в итоге может установиться авторитарный режим (или начаться гражданская война), если режим решится мобилизовать какую-то часть населения, чтобы воспрепятствовать передаче власти и преобразованию режима. Пятое условие, несколько менее важное, предусматривает достаточное безразличие и пассивность большинства населения по отношению к конечному исходу кризиса. Кроме того, модель обеспечения нового равновесия может сработать лишь если полулояльная оппозиция данному режиму способна контролировать и нейтрализовать нелояльную оппозицию, которая ставит под сомнение не только данный режим и правительство, но и демократическую систему вообще. Это игра, в которой полулояльные действующие лица сознательно вводят в заблуждение нелояльные политические силы, способные привести к крушению режима и захватить власть.

Может показаться, что для обретения нового равновесия необходимо уникальное сочетание факторов. Этот процесс инициируется руководством, находящимся вне переживающего кризиса режима, но пользующимся поддержкой многих сторонников режима; в то же время эти лидеры должны обладать способностью склонить на сторону нового режима многих своих оппонентов и изолировать наиболее непримиримых противников. Руководство должно также стремиться обеспечить новому режиму легитимность путем дальнейшего использования демократических мер и создания демократических институтов. Обретение нового равновесия происходит в условиях, когда избиратели готовы одобрить преобразование или изменение режима; условием же такого одобрения является способность нового режима решить ранее нерешенные проб-

лемы, которые, собственно, и привели к кризису. Такие требования были в точности выполнены при переходе от Четвертой к Пятой Республике. Харизматическая личность де Голля, его легитимность как лидера, его приверженность демократии (как он ее понимал) и готовность к сотрудничеству с ним ведущих политических деятелей Четвертой республики, а также пассивность большинства населения французской метрополии в дни кризиса — все это сделало возможным обретение нового равновесия². Важным фактором был и низкий уровень мобилизованности французской компартии и нежелание большинства демократических лидеров искать поддержки коммунистов против угрозы справа.

А. Гиршман, анализируя процесс оздоровления ослабшей фирмы или организации, обращает внимание на необходимость соблюдения некоторых условий, перечисленных нами выше как условий обретения нового равновесия³. Он пишет, что для фирмы чрезвычайно полезно иметь и чутких к ее положению, и инертных клиентов. Чуткие создают фирме механизм обратной связи, который сигнализирует о необходимости проведения мер по ее оздоровлению, а инертные предоставляют фирме время и средства, необходимые для того, чтобы принятые меры дали соответствующие результаты. Таким образом, он говорит о тех же факторах, которые были упомянуты нами как условия успеха процесса обретения нового равновесия. Здесь можно провести параллель с нелояльной оппозицией, которая отбрасывает демократическую систему, и массой пассивных сторонников демократии, не готовых оказать ей поддержку, а ожидающих конкретных шагов со стороны политиков по разрешению кризиса или же вообще не обеспокоенных происходящим и не осознающих глубины переживаемых режимом трудностей. Именно эти граждане, сохраняющие терпимость к демократическому режиму, несмотря на его неудачи; не желающие присоединиться к нелояльной оппозиции, но в то же время не готовые настаивать на полном соблюдении демократических принципов, делают возможным обретение нового

равновесия даже ценой временного отказа от демократической легальности.

Возникает вопрос, не могли ли некоторые недемократические режимы, установленные путем незаконных, насильственных действий и формально законной инвентуры нового правительства, после некоторого "замирения" страны и проявления каких-то признаков дееспособности преобразоваться в новый демократический режим, в котором оппоненты старого режима были бы решающей частью коалиции? Возможно, что и Муссолини в 1922 г. не исключал такого поворота событий. Включение в правительство представителей других партий; полученный им самим вотум доверия; благожелательный нейтралитет Всеобщей Федерации труда, которая была готова отойти от социалистической партии; попытки ослабить насилие, совершаемое фашистскими отрядами; первые успехи в экономике, а главное, традиция мирных преобразований, свойственная итальянской политике, — все это благоприятствовало такому развитию событий. Можно полагать, что значительную роль здесь сыграло убийство Маттеоти и последствия этого убийства, в результате чего Муссолини пришлось предстать ответственным за акты насилия фашистских экстремистов, требовавших оказать им покровительство. Все это вынудило Муссолини избрать если не тоталитарную, то в полном смысле слова авторитарную альтернативу.

Концепция обретения нового равновесия по формуле Парето вовсе не означает, что это новое равновесие сил в рамках демократического процесса будет таким же, что и ранее. Она также не означает, что не будут изменены в определенных рамках правила политической игры, например, избирательные законы, исключительно важные для формирования системы партий и отношений между законодательной и исполнительной властями. На самом деле, могут потребоваться такие перемены, в результате которых создается положение, когда демократия уже граничит с полуавторитарным режимом. Такое положение возникает, когда новый режим накладывает

ограничения на гражданские свободы или запрещает некоторые партии, как это было в 30-е годы с компартией Финляндии. Но не разумнее ли считать сохранение менее демократической демократии, в особенности если оппозиция ей, которую большая часть общества считает нелояльной, поставлена вне закона, лучшим исходом, нежели установление авторитарного режима или начало гражданской войны во имя подлинной демократии?

Наш анализ процесса обретения нового равновесия намеренно начинается с того этапа, на котором уже происходит изменение режима, но еще в рамках демократии. Однако более вероятно, что эффективные и менее рискованные способы перемен будут выработаны на более ранних этапах кризиса демократии. В принципе, все партии, приверженные демократическому строю, должны принести в жертву свои особые устремления, интересы многих своих сторонников, свои идеологические обязательства, а также согласиться с ограничениями в области наиболее либерального определения гражданских свобод ради стабилизации обстановки и обеспечения выживания системы. В каком-то смысле это некие олигопольные, принимаемые несколькими сторонами решения: не конкуренция в ее чистом виде, но и не монополия власти. Такие решения приводят к созданию коалиционных правительств национального единства, временной отсрочке выборов, соглашениям между партиями не соперничать на выборах, к заранее выработанным формулам обеспечения ротации партий в правительстве и к пропорциональному представительству на ключевых постах в администрации. Такие соглашения, как правило, достигаются в демократических государствах в военное время. Однако Австрия после второй мировой войны и войны в Колумбии после диктатуры Рохаса Пинильо — интересные примеры подобных действий в посткризисные периоды.

Было бы полезно рассмотреть такие случаи и предложения по разрешению кризисных ситуаций. В этом контексте особенно интересна идея испанской республиканской диктатуры, проводившаяся весной 1936 г.

демократическими политиками, не связанными ни с Народным фронтом, ни с умеренной правой. Мог бы добиться успеха Азанья, имевший большой личный престиж, если бы он действовал в сотрудничестве с умеренными каталонскими националистами и с умеренными социалистами во главе с Прието, и получил поддержку большей части армии, избежав тем самым гражданской войны или сведя ее к местным мятежам и бунтам? Самый квалифицированный ответ здесь — "может быть". Однако для участников процесса издержки столь крайних решений могут оказаться слишком высокими, ибо они могли бы вызвать перестройку партийной системы: раскол главных партий и применение силы. Для политиков же принятие крайних решений представляет серьезнейшую психологическую проблему — предать идеи и ценности даже политику нелегко, в особенности если результат, ради которого совершается предательство, далеко не гарантирован.

Наш анализ экстремальных моделей обретения нового равновесия проводится, в частности, для изучения степени свободы, которой располагают политические лидеры, оказавшиеся в крайних обстоятельствах. Только попытка понять самих политиков и мотивы их действий может расширить наши познания о процессе политических перемен, даже если такой процесс может оказаться препятствием для построения элегантной, основанной на причинных связях модели⁴.

Восстановление и повторное провозглашение демократии

Создание новой демократии и ее консолидация после относительно короткого периода недемократического правления при активном участии лидеров прежнего демократического режима — не является обретением нового равновесия в строгом смысле этого понятия⁵. Оно решительно отличается от случаев, когда автократическое правление продолжалось много лет и когда преследования демократических лидеров предшествовавшего режима были столь суровыми, что

лишь немногие из них могли вернуться к политической деятельности. Это означает, что на политической арене оказываются новые поколения лидеров, не имеющие ничего общего с диктаторскими партиями и их руководителями. Новые лидеры создают режим, не считая его правопреемником прежнего диктаторского режима; это провозглашение новой демократии, а не ее восстановление⁶. Однако большинство случаев возврата к демократии представляет собой нечто промежуточное между приведенными двумя вариантами.

С восстановлением демократии возникают особые проблемы: необходимо преодолеть напряженность между партиями, способствовавшими крушению демократии; устранить подозрения, вызываемые полулояльными действиями в прошлом; избежать закрепления тех политических и идеологических формул, которые способствовали кризису. Все это будет зависеть от того, насколько руководство нового демократического режима усвоило опыт прошлого. Будет ли оно настаивать на целях, которые выдвигали прежние лидеры, возвращаться к разногласиям прошлого, обвинять своих оппонентов в крушении демократии? Если да, то в таком случае провозглашение новыми людьми нового режима имеет определенные преимущества для последующей консолидации демократии. С другой стороны, пережившие судьбоносный кризис, по всей вероятности, лучше понимают, что именно привело к крушению демократии, они лучше знакомы с принципами демократического политического процесса и могут лучше выполнять обязанности парламентариев. Политические деятели, обладающие опытом прошлого, как правило, более умело действуют в направлении консолидации режима, что помогает избежать ряда трудностей, которые обострили кризис диктаторского режима.

Процесс восстановления протекает по-разному в зависимости от характера режима, установленного после падения демократии. Несомненно, тоталитарный режим, преследуя демократических лидеров, способствует укреплению их солидарности. Совместное пребывание в

тюрьмах и лагерях даже у самых ярых в прошлом противников может вызвать готовность к совместным действиям. При таком режиме становится ясно, "кто есть кто". Принципиальное исключение из игры прежних политических групп, даже если некоторые их члены готовы сотрудничать с новым режимом, помогает определить тех, кому будет дозволено играть активную роль в восстановлении демократии. В этом, вероятно, состояло преимущество восстановления демократии в Германии, Австрии и даже Италии после второй мировой войны. Более серьезные проблемы создает, однако, восстановление демократии после правления такого авторитарного режима, который кооптировал политиков, активных при прежнем режиме, и который преследовал одних оппонентов, но терпимо относился к другим. Положение в таких случаях обостряется, когда некоторые новые партии, ссылаясь на "послужной список" политических лидеров при прежнем режиме, стараются отстранить их от дальнейшего участия в политической жизни. Весьма искусно пользовались этой тактикой коммунисты в Восточной Европе, в особенности в Чехословакии, после второй мировой войны.

Здесь не место рассматривать эту проблему: она изучается в других главах сборника. Но это особый аспект социологического анализа макрополитики — а именно, вопрос прерывности и непрерывности политического процесса.

Право на неповиновение, восстание и подпольную деятельность в защиту демократии

Не предопределяется ли наш анализ анализируемыми нами конфликтами? Не оказываются ли наши теории под влиянием общепринятых методов научного исследования и политического анализа? Не используем ли мы (сознательно или бессознательно) употребляемые в работе термины так, чтобы выводы оказались в пользу режима, а не его оппонентов? Недавно опубликованная работа Терри Нардина и другие исследования о

гражданском неповиновении, как и недавно проводившиеся анализы насилия в Америке поднимают такие вопросы. При анализе крушения демократии в хрестоматийном случае Веймарской республики их можно было бы избежать, но в других случаях это невозможно⁷.

Важно помнить, что восстание против демократических режимов — это прежде всего конфликт по вопросу легитимности режима. Повстанцы объявляют, что демократическая власть утратила свое право на руководство и потому, даже если исходить из ее системы ценностей, стала нелегитимной⁸. В веберовском анализе легитимности подчеркивается, что в каждом типе режима "встроены" его пределы, и преобразования, выводящие режим за эти пределы, становятся причиной его делегитимации и, в конечном счете, крушения⁹. Токвиль, говоря о демократии, особенно предостерегал от гнета большинства¹⁰. Нарушение конституционных норм, превышение власти, пренебрежение гражданскими свободами, акты чрезмерного насилия со стороны властей также являются причинами крушения демократий, которые ни в коем случае не следует игнорировать. Ниспровергатели, несомненно, будут ссылаться на такие нарушения, и это может убедить многих нейтральных граждан поддержать свержение режима или, по меньшей мере, не противиться его свержению. Таким образом, действующие на политической арене и нелояльные по отношению к демократическому режиму лица набирают силы благодаря демократической процедуре: законные выборы правительства становятся угрозой непрерывности и бесперебойного функционирования демократических институтов.

Обвинения противников демократии должны быть, однако, отброшены с порога: ведь те, кто используют его для достижения власти, получив ее, не восстанавливают свободный демократический политический процесс, несмотря на их прежние заявления, что они свергают действующее демократическое правительство ради спасения демократии. Эти обвинения опровергаются также тем, что такие группы были готовы вступить в коалицию с участ-

никами оппозиции демократическому режиму еще до того как он якобы нарушил доверие демократов. Так что аргументы такого рода имеют силу лишь в тех случаях, когда свержение действующего правительства в момент временного кризиса демократического режима ведет к восстановлению демократии. Однако маловероятно, что применение насилия даже с целью защитить демократию может привести к восстановлению или к обретению нового равновесия демократического режима, независимо от того, какими намерениями руководствовались политики, прибегнувшие к насилию. Результат, как правило, доказывает, что доводы, приведенные противниками демократического режима, были ханжескими, а обвинения — ложными.

Некоторые утверждают, что крушение демократии вызывается не нелояльной оппозицией, а правителями. Именно они, считают сторонники такого мнения, получив власть конституционным демократическим путем, используют ее так, что обычные методы, открытые для лояльной оппозиции и предоставляющие ей возможность выступать с критикой, — такие как использование конституционных механизмов для контроля над правительством, осуществление либерально-демократических свобод, подготовка к следующим выборам с тем, чтобы заставить правителей ответить за превышение власти — начинают представляться неподходящими для обеспечения непрерывности демократического режима. Европейские политологи определили такую ситуацию как конфликт между легальностью и легитимацией — в данном случае, демократической легитимацией.

Иная ситуация возникает, когда оппозиция режиму опирается на другие формулы легитимации. К ним относятся такие как защита традиционной власти от контрреволюционных атак на демократию; харизма лидера; историческая миссия революционного движения или класса, представляемого его наиболее сознательными участниками (хотя они составляют меньшинство избирателей), или концепция национальной общности, выражаемой плебисцитом, а не представительными ин-

ститутами. Когда возникает столкновение между двумя концепциями легитимации, сторонники каждой из них заявляют, что они и только они верны народу. В конечном счете, граждане должны решить, какой стороне они предоставят право применить силу. Не следует, однако, забывать, что, принимая такое решение, граждане могут отдать приоритет своим личным ценностям, а не ценностям демократического режима, если они перестанут чувствовать себя уверенно при таком режиме. В то же время необходимо помнить, что ни один демократический режим не может постоянно следовать раз и навсегда сформулированным ценностям, ибо демократия зиждется на предпосылке, что общая для большинства граждан шкала ценностей время от времени может меняться. В стабильных демократиях достижение компромиссов относительно высших ценностей, приемлемых для большинства граждан, нередко затрудняется преднамеренно из опасения частых смен настроения большинства; это достигается, например, требованием квалифицированного большинства для внедрения соответствующих перемен, а в некоторых экстремальных конфликтных ситуациях — предоставлением меньшинству права вето. Как подчеркивает Шумпетер (в противоположность классической теории демократии), условие успеха демократии состоит в том, что реальная сфера, в которой действует принятое политическое решение, не должна быть чрезмерно широкой и что не каждая функция государства должна быть подчинена демократическим политическим методам¹¹.

Но возникает еще одна проблема: могут ли способствовать крушению демократии антидемократические или недемократические действия лидеров, считающихся демократическими правителями? Такая ситуация отлична от кризиса Веймарской республики или итальянской демократии начала 20-х годов, когда действовали все перечисленные нами факторы — и нелояльная оппозиция, и утрата правительством дееспособности и эффективности, обуславливающие передачу власти новому режиму. Нелояльная оппозиция, разумеется, всегда утверждает, что

демократическая власть предала свои собственные принципы; нелояльная оппозиция также всегда находится среди самых громогласных защитников гражданских свобод, но защищает она их только для себя, отказывая в этих свободах другим. Нелояльная оппозиция всегда объявляет себя (и часто не без причин) жертвой дискриминации, преследований и даже незаконных действий властей. Никого не удивит при чтении собранных Абедем автобиографий нацистских деятелей, что они ощущали себя меньшинством, которое преследовали полиция и общество, которое дискриминировали по месту работы и которое было отлучено от церкви, семьи и друзей¹². При этом они гордятся своей готовностью применить силу против оппонентов. На практике большинство демократических правительств перед лицом прибегающей к силе нелояльной оппозиции и ее лидеров, открыто оправдывающих применение силы против режима (который они считают незаконным), проявляют готовность принять меры, к которым они не стали бы прибегать, имея дело с лояльной оппозицией. В такой ситуации демократические правительства могут ввести законы, запрещающие ношение оружия и военных мундиров, организацию военизированных формирований; они могут запретить офицерам армии и полиции и государственным служащим становиться членами таких формирований, а также запретить демонстрации, явная цель которых — спровоцировать насилие.¹³

Такие меры в защиту демократии, даже если они приняты законно, демократическим большинством законодательных органов, сомнительны со строго либертарианской точки зрения¹⁴. Их принятие связано с риском *abus du droit* (буквально, превышение права), т.е. с риском использования легальных норм для достижения не предусмотренных этими нормами целей. Это происходит в тех случаях, когда ограничительные меры распространяются и на оппонентов, которые не могут рассматриваться как нелояльная, способная применить насилие оппозиция. Такой способ защиты демократии может привести к утрате легитимации и среди тех, кто не

поддерживает нелояльную оппозицию. В этой "серой" зоне бывает трудно отличить тех, кто спорит с властями в законных, демократических рамках, от тех, кто, одобряя методов нелояльной оппозиции, соглашается с ее конечными целями. Эти последние могут даже склониться к коалиции с нелояльной оппозицией ради достижения своих собственных или каких-то общих с нелояльной оппозицией целей. Тут начинается борьба за умы граждан — тех, кто привержен существующему социально-политическому устройству, и тех, кто готов к его свержению.

Вот что о такой борьбе за умы граждан пишет Парето:

"Теории, созданные для оправдания применения подданными силы, почти всегда сочетаются с теориями, осуждающими применение силы властями против общества. Лишь немногие мечтатели отвергают применение силы кем бы то ни было; но их теории либо вообще не имеют никакого влияния, либо способствуют ослаблению сопротивления властей, расчищая тем самым место для насилия со стороны подданных...

Не нужно долго теоретизировать, чтобы вызвать сопротивление людей, которые находятся под гнетом или чувствуют себя угнетенными и готовы прибегнуть к силе. Поэтому различные варианты таких теорий разрабатываются главным образом для того, чтобы склонить людей, которые в противном случае остались бы нейтральными, к осуждению возможного сопротивления правителей (и тем самым к его ослаблению) или же для того, чтобы убедить самих правителей не прибегать к силе"¹³.

При демократическом режиме, когда большая часть общества признает его легитимность, наиболее веский аргумент в этой идеологической борьбе — различие между формальной легитимностью, сведенной к понятию легальности, и между подлинной демократией, которую можно определить как власть правительства, действующего в соответствии с волей народа и ответственного перед ним. Эта норма нарушается в условиях формальной демократии. Радикальные критики, в том числе

фашисты, доказывали, что одних гражданских свобод недостаточно, поскольку продолжает существовать неравенство ресурсов, имеющихся в распоряжении разных групп общества, в особенности экономических средств, необходимых для финансирования политической деятельности. Сторонники такой точки зрения обычно приводят в пример частное владение средствами массовой информации или наличие правительственного контроля над ними; они говорят о неформальных санкциях со стороны общества против радикальных критиков — таких, например, как дискриминация по месту работы; приверженность институтов истеблишмента существующему социально-политическому устройству; консервативный уклон созданной обществом культуры. В последнее время стали также указывать на решающее влияние консюмеризма, стимулирующего индивидуальную, а не коллективную деятельность и материальные цели в ущерб совершенствованию отношений между властными структурами¹⁴. В этих рассуждениях радикалов, несомненно, есть резон. Но кто знает, являются ли их неудачи в мобилизации тех, кого они якобы представляют, результатом перечисленных недостатков или же недостаточной привлекательности их программ и лидеров?

Бессмысленно утверждать, что внедрение либерально-демократических институтов и стимулирование процессов демократизации в развивающихся странах или в обществах, где по традиции социально-культурные отношения основаны на сохранении существующего строя, может привести к быстрым и мирным преобразованиям только в результате политической мобилизации низших слоев. Меньшинство, уверенное в своем правильном понимании реальных нужд народа, постоянно оказывается перед соблазном действовать решительно, вместо того, чтобы идти по пути медленной мобилизации этих слоев через политические партии и массовые организации. Элита, не имеющая шансов получить власть через избирательное законодательство и средства воздействия на общественное мнение, но

осознавшая себя лидером и выступающая якобы от имени молчаливого большинства, скорее всего отвергнет методы политической демократии. Но неизбежным последствием защиты диктатуры "сознательного" меньшинства и отказа от политической демократии является диктатура, утверждающая, что ее цель — создать условия для установления подлинной демократии, т.е. такой, при которой народу будет предоставлена реальная возможность участвовать в правлении. Именно так понимал Маркс диктатуру пролетариата, т.е. как чрезвычайную организацию революционного действия, как инструмент разрушения государства, являвшегося орудием господствовавшего класса, как инструмент, которым позже перестанут пользоваться за ненадобностью. Сартори правильно отмечает, что во времена Маркса этот термин (использованный Марксом, кстати, лишь трижды) не имел того отрицательного значения, какое он приобрел позже¹⁷. Ленин сместил акценты и начал доказывать, что диктатура пролетариата более демократична, чем буржуазная демократия:

"А диктатура пролетариата, т.е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширение демократии. Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, ... их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии"¹⁸.

Мы не намерены обсуждать здесь ленинскую теорию или соотношение между демократией и коммунистическим обществом, но суть доводов Ленина состоит в том, что марксист-ленинец автоматически демократ, а все прочие автоматически недемократы. Чтобы понять опасность приложения таких идей, нет нужды обращаться к доводам критиков-антимарксистов, это уже сделала Роза

Люксембург в своем блестящем анализе русской революции:

"Да, диктатура! Но диктатура эта состоит в способе применения демократии, а не в ее устранении, в энергичной, решительной атаке на прочно укоренившиеся права и экономические отношения буржуазного общества, без которых социалистические преобразования не могут быть завершены. Однако такая диктатура должна быть делом класса, а не руководящего меньшинства, выступающего от имени этого класса; это значит, что работа должна шаг за шагом осуществляться при активном участии масс; она должна проходить под их прямым воздействием и под контролем всей общественной деятельности; она должна исходить из растущей политической зрелости народных масс"¹⁹.

Роза Люксембург продолжает:

"Свобода только для тех, кто поддерживает правительство, только для членов одной партии, как бы многочисленна она ни была, — вообще не свобода. Свобода это всегда и исключительно свобода для того, кто мыслит по-иному. Не из некоей фанатической концепции "справедливости", но потому, что все, что есть поучительного, цельного и очищающего в политической свободе, зависит от этого существенного понятия, и ее эффективность сходит на нет, если "свобода" становится особой привилегией"²⁰.

Политическая демократия, разумеется, не обязательно гарантирует даже приблизительное приближение к тому, что мы называем демократическим обществом — обществом существенного равенства возможностей во всех областях и возможностей формулировать политические альтернативы и мобилизовывать избирателей для их осуществления. Ясно также, что диктатура меньшинства — партии, присвоившей себе право говорить от имени класса или "народа", т.е. якобы от имени большинства, никогда не приведет к созданию строя, который соответствовал бы определению Розы Люксембург.

Есть, однако, немало свидетельств, что политическая демократия в нашем определении с течением времени

может привести к созданию демократического общества. Пока цель еще не достигнута, но в некоторых странах к ней уже приближаются.

Вряд ли есть смысл спорить с теми, кто отвергает политическую демократию из-за медленных темпов ее эволюции в демократическое общество²¹. Наши оппоненты могут пренебречь анализом, проведенным в настоящей работе. Им, может быть, безразлично, продвигались ли рассмотренные здесь страны к демократическому обществу под демократическим или авторитарным правлением²². Собственно говоря, важные для них цели могут быть достигнуты при авторитарном режиме в такой же, а то и в большей степени, чем при олигархической или застойной демократии. Но у авторитарных режимов есть другие издержки, с которыми люди, возможно, не захотят мириться; мы убеждены, что в XX веке такие режимы не решают проблемы строительства легитимных и стабильных политических институтов. С этой точки зрения, с которой некоторые могут не согласиться, вопрос о крушении даже несовершенной демократии представляется чрезвычайно насущным. Опасность заложена в равнодушном отношении к кризису демократии, поскольку оно может привести к стремлению активизировать такой кризис в надежде, что он стимулирует революционный прорыв в демократическое общество, а не просто обеспечит политическую демократию. Не следует, однако, забывать, что тщетная надежда демократизировать демократию недемократическими методами в прошлом слишком часто приводила к кризисам режимов и, в конечном счете, прокладывала дорогу авторитарному строю.